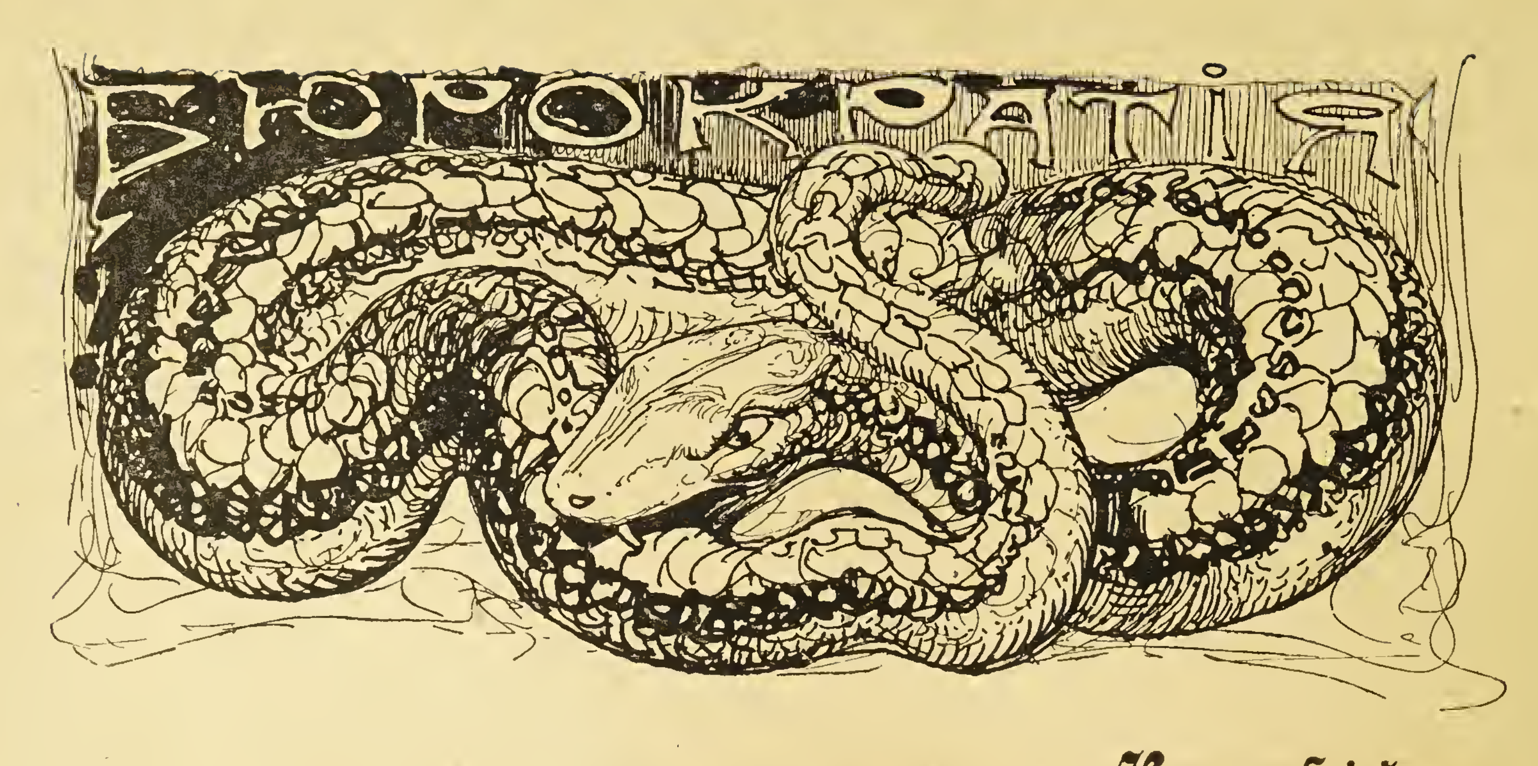

№ 1. Цѣна 10 коп.

Дай руку товарищъ нашъ братъ горемычный,
Въ конецъ истощенный борьбою со зломъ,
Вѣками стоналъ ты, къ страданью привычный,
Свой хлѣбъ добывая кровавымъ трудомъ.
Ты долго терпѣлъ, себя мысля безсильнымъ
Съ неправдой и злобою въ битву вступить,
И съ бременемъ тяжкимъ, порой непосильнымъ,
Невзгоды свои продолжалъ все сносить.
Давно твои стали намъ близкими муки,
Когда ты страдалъ съ произволомъ въ борьбѣ...
Мы жмемъ твои грубыя честныя руки,
Желая всѣмъ сердцемъ побѣды тебѣ.

* * *

„Люди братья“—сказалъ Христосъ и „борцы“ сказала жизнь.

Развѣ не были борцами за истину, за Правду Христосъ, его ученики и первые христіане?

Съ момента рожденія человѣка съ нимъ вмѣстѣ родится борьба;—сначала борьба слабаго организма, потомъ борьба за существованіе и какъ лучшій ореолъ человѣка „борьба за идею“.

И только тотъ у кого въ сердцѣ живетъ идея,—„борьбы за идею,“ и только тотъ, кто съумѣлъ выростить въ своемъ *я*—жажду этой борьбы,—борьбы за правду, за свободу, за равенство, только тотъ, да, только тотъ съ гордостью можетъ назвать себя человѣкомъ.

Дружныя усилія борцовъ, сплотившихся въ одну крѣпкую неразрывную цѣпь, съ девизомъ „всѣ за одного, одинъ за всѣхъ“ — помогутъ разорвать и отбросить далеко прочь тѣ цѣпи, которыми вѣками сковывала бюрократія, кулачество, произволъ—всѣхъ, кто былъ въ зависимости отъ нихъ.

Прочь рабство! Пришла пора сознательной работы, пора уваженія чужого „я“.

Миновала позорная пора сословностей, гоненій, презрѣнія къ работнику, борьба національностей.

Всѣ равны!

Въ человѣкѣ дорогъ только „человѣкъ“.

Да здравствуетъ равенство, братство, общность идей, общая работа, борьба за истину.

„Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ“—девизъ всѣхъ борцовъ, борцовъ за идею, за меньшаго брата.

Дорогу борцамъ—они ищутъ Правды!

Пусть ярко свѣтитъ имъ солнце и широко льется пѣснь свободная—то гимнъ Христу, что завѣщалъ: „любите ближняго, какъ самого себя!“

Вѣра Языкова.

Не убій.

Господь Милосердный, Господь Правосудный
Вѣщалъ намъ въ законѣ Своемъ: „не убій!“
Зачѣмъ же у насъ, на землѣ безразсудной
Казнятъ ежедневно такъ много людей?
Пусть люди виновны, пусть люди преступны,
Но жизнь можетъ Богъ лишь одинъ даровать,
И Богу единому только доступно
Быть можетъ у смертныхъ ее отнимать.
Довольно же казней! есть способовъ много,
Чтобъ кару виновные въ жизни несли,
Но чтобы завѣты Всесильнаго Бога
Исполнены были въ предѣлахъ земли.
О Боже Великій! однимъ только словомъ
Вселенную всю Ты премудро создалъ,
Покрой же теперь Своимъ мощнымъ покровомъ
Ты тѣхъ, кого жить на землѣ Ты призвалъ.
Кровавыхъ расправъ намъ, о, Боже, не надо,
Пускай родъ людской наконецъ отдохнетъ,
И въ мірѣ пусть заревомъ яркимъ пощады
Заря милосердья отрадно блеснетъ.

О. Умова.

* * *

— Чѣмъ отличаются истинно-русскіе люди отъ другихъ людей?

Тѣмъ, что хотя они и люди, но среди нихъ нѣтъ ни одного... человѣка.

Невѣдомская.

— Военнымъ, говорятъ, дается новый мундиръ...

— А честь остается та-же?

В. Языкова.

— А все таки у насъ конституція, а это, братъ, не шутка.

— Да конституція, но только еврейская.

— ?!

— Она обрѣзана.

Невѣдомская.

* * *

Въ бѣшеномъ потокѣ
Гибельнаго зла
Мчатся жертвъ невинныхъ
Мертвыя тѣла...

Смотришь—нѣтъ имъ счета!
Все плывутъ, плывутъ...
—Гдѣ и кто откроетъ
Имъ въ землѣ пріютъ?

Судорогой смерти
Руки сведены.
Лица въ мукахъ пытокъ
Страшны и блѣдны.

Рано съ жизнью счеты
Сведены судьбой;
Рано смяты силы
Роковой борьбой.

Многіе въ отвѣтѣ
Предъ Творцомъ за нихъ!
—Чистые, какъ дѣти,
Спите, сонъ вашъ тихъ,

Грезы безмятежны,
Думы молоды...
Умерли заботы,
Не умрутъ труды!

Леонидъ Афанасьевъ.

Задача.

— Дурново, при его уходѣ,—даны въ награду за его труды 200-тысячъ,—спрашивается, во сколько цѣнится каждая голова—убитаго по его приказанію гражданина?

Вѣра Языкова.

— Что такое осадное положеніе?

— А это такое положеніе, которое „осаживаетъ“ лишь для того, чтобы быстрѣе шли впередъ.

— Говорятъ, что для Дурново готовится новый постъ.

— Какой же можетъ быть для него постъ, когда онъ безъ убоины дня не можетъ прожить.

Невѣдомская.

Изъ пѣсенъ земли.

Умирала въ неволѣ земля, но не просила пощады,—сильная для того, чтобы просить и безсильная для того, чтобы требовать...

Морозъ убилъ землю. Холодно, холодно...

Скованныя льдомъ рѣки тщетно стонутъ отъ горя и тоски за свободой—умерли волны, замеръ ихъ бѣгъ все впередъ и впередъ, какъ мысль человѣка!

Сковано все: земля, воды... скованъ человѣкъ!

Все спитъ въ мертвомъ покоѣ,—не спитъ лишь стонъ; не спятъ стоны, страшные стоны, стоны неволи,—ихъ тяжелые вздохи потрясаютъ землю и земля, обагренная слезами и кровью посылаетъ ихъ къ небу—они долетаютъ до неба, до звѣздъ, до солнца.

Жизни! Жизни! Жизни!

Свободы! Свободы! Свободы!

И дрогнуло отъ этихъ стоновъ Солнце, дрогнуло могучее, прекрасное! Дрогнулъ властелинъ міра, царь вселенной, царь земли и неба—онъ могучій, свѣтлый, не зналъ, что значитъ смерть, неволя, оковы, злоба.

Могучій не могъ знать злобы, удѣлъ безсильныхъ, ничтожныхъ, жалкихъ...

Дрогнуло Солнце и тысячи лучей послало гонцами на землю.

Встрепенулась земля, распались оковы—и весна, окруженная ореоломъ солнечныхъ лучей, шла, улыбаясь міру.

Шла весна . . . .

Шла весна, а кругомъ витала смерть... люди томились въ неволѣ.

Шла весна, а стоны еще сильнѣе, еще тоскливѣе неслись по землѣ и доносились до неба и, содрогаясь, царь вселенной, царь земли и неба—могучее Солнце—слушало эти стоны, безсильное ихъ прекратить...

Свободы! Свободы! Свободы!

Жизни! Жизни! Жизни!

Черная злоба носилась надъ землей, закрывая крыльями горячее Солнце и тьма окутала землю... но солнечный лучъ прорвался сквозь тьму...

О скорѣе, скорѣе, скорѣе засвѣти яркое Солнце!

Вѣра Языкова.

БЕЗРАБОТНЫЕ.

Въ квартирѣ Поливанова, мастера со сталелитейнаго завода, тяжело и нудно—онъ безработный.

Если бы кто нибудь годъ тому назадъ сказалъ ему, первому мастеру, что онъ будетъ безработнымъ, будетъ терпѣть голодъ и тяжелую нужду, когда продается съ плечъ послѣдняя рубаха, и что дѣти его будутъ просить хлѣба и... хлѣба этого не будетъ въ домѣ ни куска, онъ бы не повѣрилъ, выругался бы, плюнулъ, засмѣялся бы, можетъ быть, но... не повѣрилъ бы.

А между тѣмъ пришелъ и голодъ и холодъ, пришла нищета, что какъ паутина окутываетъ его, его семью и сосетъ изъ нихъ послѣдніе соки.

Нудно въ его квартирѣ, не весело. — Тятька дома — значитъ праздникъ, думаетъ пятилѣтняя дочка Ивана — Танька, а коли праздникъ, такъ будетъ пирогъ на столѣ! но увы, она напрасно заглядываетъ въ кухню и вопросительно смотритъ на мать—на плитѣ пусто, не потрескиваютъ, какъ прежде, въ печкѣ дрова, не булькаетъ и не пыхтитъ супъ и изъ раскрытой печи не несется вкусный запахъ пирога.

— Тятька, праздникъ сегодня? спрашиваетъ она.

— Будни! сурово говоритъ ей отецъ и снова погружается въ тяжелую думу.

Какъ и отчего онъ и его семья, раньше веселая, дружная, обречены на голодовку, онъ не знаетъ и самъ--бастовали всѣ, бастовалъ и онъ—другихъ приняли, его—нѣтъ.

— Почему, Илья Ивановичъ не принимаете меня? спросилъ онъ управляющаго.

— Носъ твой, братецъ, директору не нравится, съ насмѣшкою отвѣтилъ управляющій.

Вскипѣлъ Поливановъ, — убить бы тебя! хотѣлъ крикнуть онъ, да въ горлѣ что-то поперхнулось и молча сжавъ кулаки, ушелъ онъ съ фабрики.

У кого искать? кто заступится?— коли бѣденъ, такъ правды не ищи, думалъ онъ, идя домой, но это была лишь минутная слабость, правда есть и правду нужно найти, придетъ пора, не будетъ онъ больше бояться хозяйскаго кулака, не посмѣетъ управляющаго баба всякими нехорошими словами ругать его Дарью, бабу смирную, трудолюбивую, кроткую, не посмѣетъ, потому всѣ равны и нѣтъ старшаго, нѣтъ надъ нимъ кулака, всѣ товарищи, всѣ работаютъ у кого сколько силъ хватаетъ и всѣ барыши дѣлятъ поровну.

Такъ думалъ Иванъ Поливановъ, такъ, какъ говорили люди, что приходили къ нимъ на фабрику и на муки шли за нихъ.

Ширилось въ немъ сердце отъ словъ ихъ и точно удесятерялись силы его въ поискахъ работы.

Трудненько теперь, да за то впереди хорошо! утѣшалъ себя Иванъ. А работы нѣтъ и нѣтъ, голодаетъ жена, голодаютъ дѣти. — Тятька, хлѣбушка... съ утра слышитъ онъ.

Что дѣлать? куда сунуться? — знакомые всѣ такіе же безработные, какъ онъ, на другихъ заводахъ все биткомъ, въ лавкѣ потребительной въ долгъ не даютъ, знаютъ, что расплачиваться нечѣмъ, въ домѣ ни полѣна дровъ, за квартиру платить нечѣмъ. Сидитъ Иванъ у стола, а мысль молоткомъ выколачиваетъ: разорили, по міру пустили... за что? куда идти, кого просить?... кому кланяться!.. слезы, злоба кипятъ въ его душѣ — и нѣтъ имъ исхода.

— Вань, а Вань, слышь что скажу, отрываетъ его отъ думъ жена.

— Што?

— Да что—отощала, нетути въ груди молока, помретъ такъ младенецъ то, Таньку тоже... жалко... голосъ ея обрывается, изъ груди вырываются рыданья.

— На даровые хлѣба идти хошь...

Иди...., покорно говоритъ онъ.

— А ты?

— Мое не бабье дѣло—стерплю, а на подачку барскую не пойду, опосля лучше будетъ, утѣшаетъ ее Иванъ.

— Лучше?—Гдѣ ужъ!—Тятьку убили, въ домѣ куска хлѣба нѣтъ, съ фатеры гонятъ, когды лучше то будетъ, когды по міру съ рукой пойду! со стономъ вырывается у Дарьи и она умолкаетъ, какъ будто подъ тяжестью послѣднихъ словъ. Умолкаетъ, а мысль разрисовываетъ эти слова и видится ей она сама, еще болѣе исхудалая, грязная, оборванная, какъ та нищенка, которой она по праздникамъ давала по куску пирога, и ей, какъ и той нищенкѣ, бросятъ въ руку грошъ или дадутъ корочку хлѣбца ея Танькѣ, что за юбку ея уцѣпившись, тоненькимъ голоскомъ тянетъ: „Христа ра-ади, милостивые господа подайте Хри-и-ста ради копѣечку“,

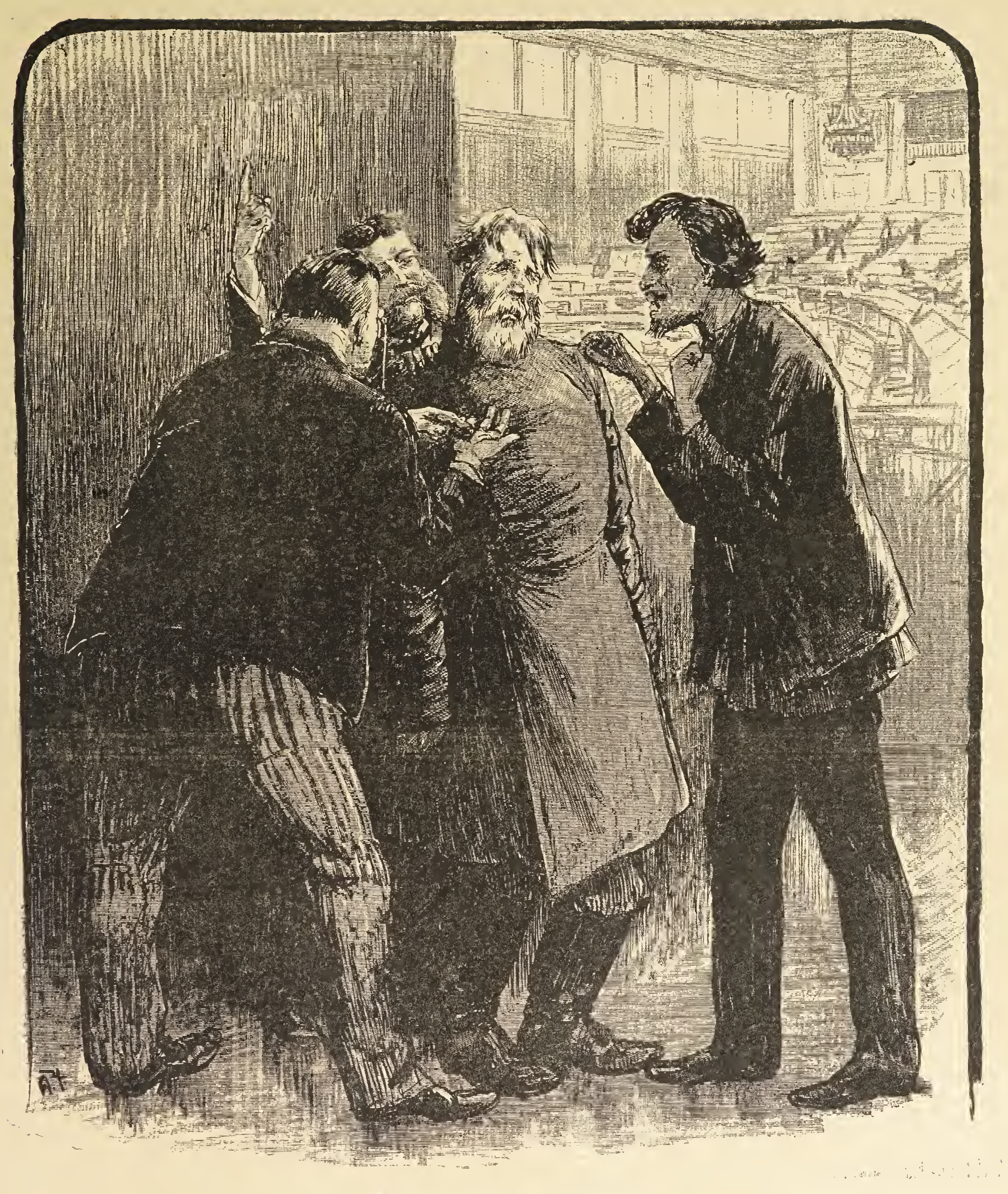
Ужасъ, отчаяніе, леденятъ ей душу, широко раскрытыми глазами смотритъ она на Ивана и тотъ, словно угадывая ея мысль, какъ виноватый, ниже и ниже опускаетъ свою голову, не смѣя поднять глазъ на жену, на голодныхъ ребятъ и хочется ему крикнуть проклятіе, хочется зарыдать! — нѣтъ слезъ и только сухіе глаза всматриваются въ сѣрую мглу, что ползетъ въ комнату со двора.

Ползетъ сѣрая мгла, окутываетъ все. Молчитъ Иванъ, сохнутъ слезы на глазахъ у Дарьи, надрывается отощалый ребенокъ на груди у матери, „мамка, есть хочу“, плачетъ Танька.

И нѣтъ ни откуда ни помощи, ни отвѣта, погасаетъ день, мгла цѣлуется съ землею, тихо, тихо въ квартирѣ рабочаго Поливанова и только въ его душѣ просыпается буря и ненависть, заглушая голодъ, растетъ въ сердцѣ къ тѣмъ, кто по произволу лишилъ хлѣба и обрекъ на голодную смерть его дѣтей.

Вѣра Языкова.

Лакомый кусочекъ.

Въ школѣ.

— Какіе бываютъ гады?
— Ползучіе, подводные; на двухъ ногахъ.
— На двухъ ногахъ?!
— Да, сыщики. *Языкова.*

При встрѣчѣ.

Ну что, какъ дѣла въ Государственной Думѣ?
Да что! Думаемъ, что разгонятъ...
Разгонятъ??!..
Да, если не разсадятъ... *Невѣдомская.*

Изъ историческихъ анекдотовъ временъ царя Гороха.

Нѣкій сановникъ, будучи въ молодости еще лишенъ носа вслѣдствіе какого то весьма непріятнаго столкновенія съ нѣкоей персоной дамскаго пола, и несмотря на сей неизгладимый дефектъ своего наружнаго вида видное общественное положеніе и высокій постъ занимающій, въ одномъ изъ засѣданій, разойдясь во взглядахъ съ другимъ нѣкимъ сановникомъ, ему по службѣ подчиненнымъ, въ разгарѣ словеснаго спора весьма неосмотрительно сказалъ:

„Вы достопочтенный мой государь за носъ меня не водите. Все равно не проведете“,

на что оный его противникъ на языкъ въ довольной степени острый, предерзновенно ему отвѣтствовалъ:

„Съ трудностью сего совершенно согласуюсь, зане таковаго у васъ давно въ наличности не имѣется“, за каковой отвѣтъ не долго медля отъ весьма смущеннаго патрона своего въ отставку подать повелѣніе получилъ.

Павелъ Невпровъ.

Два героя.

— „Ты ѣдешь, другъ, на поле битвы,
Какъ мнѣ завиденъ жребій твой;
Сограждан наших всѣ молитвы
Туда помчатся за тобой!
И къ намъ изъ той страны кровавой,
Кипитъ гдѣ грозно страшный бой,
Вернешься ты, покрытый славой,
Или умрешь тамъ, какъ герой!...“

Миръ заключенъ... И вотъ изъ края,
Гдѣ врагъ все время насъ разилъ,
Вернулся онъ, изнемогая,
На костыляхъ, лишенный силъ...
Все тѣло ранами покрыто,
Спина отъ недуговъ болитъ,
И на груди его разбитой
Уныло крестъ одинъ блеститъ...

И разъ порою онъ нежданной
Былого друга повстрѣчалъ,
Что столько славы ему бранной
Передъ отъѣздомъ предрекалъ.
Но сколько спеси величавой
Его чело теперь таитъ:
И онъ стяжалъ здѣсь лавры славы,
И онъ теперь сталъ знаменитъ...

Товарища—героя въ чинѣ
Теперь онъ даже перегналъ,
И все по той простой причинѣ,
Что на войну съ нимъ не попалъ.
Смирять онъ ѣздилъ возмущенье,
Его прославился отрядъ,
И за крамолы прекращенье
Онъ получилъ отличій рядъ.

О. У.

Послѣдніе дни! Спѣшите!! Торопитесь!!!

БАЛАГАНЪ

Ежедневныя развлеченія. Большой экстраординарный Folle Journée при участіи извѣстныхъ артистовъ, фокусниковъ и клоуновъ.

ПРОГРАММА.

I.

Усовершенствованный кинематографъ демонстрировать будетъ недавно вернувшійся изъ Азіи г. *Антоніо Митрополито.*

Масса картинъ, посвященныхъ исключительно вопросамъ средневѣковой инквизиціи и наглядному ознакомленію со всѣми аксессуарами для смертной казни. Очень интересно!! Поучительно!! Ново!!

II.

„Я знаю, какъ спасти Россію“

комическая арлекинада въ 1 дѣйствіи, соч. Г. Р. Свитте, съ превращеніями, полетами, провалами и т. п при участіи самого автора и при благосклонномъ участіи лучшихъ силъ съ громкими именами.

III.

Балетъ—„Пляска подъ чужую дуду“—исполн. *Г. О. Ремыкинъ.*

Рус. пѣсня „Кабы матушка Волга—да вспять побѣжала“ исполн. семейство *Б. Ю. Рократовъ.*

Романсъ „Сладко пѣлъ душа соловушко“ исполнитъ соло *В. Итте.*

IV.

Жонглированіе „живыми головами“ исполнитъ извѣстный жонглеръ *Д. Урновъ.*

Нашелъ и доставилъ *П. Невпровъ.*

КРЕСТЫ.

Съ войны пріѣхали два брата,—
Они отважно бились тамъ:
У одного—рука отнята,
Нога другого—пополамъ.
Я былъ охваченъ сожалѣньемъ,
Что жизнь разбила ихъ мечты,—
Но показали съ восхищеньемъ
Мнѣ оба тутъ свои—кресты...

———

Я сталъ при вѣсти о свободѣ—
Журналъ сатиры издавать,
И въ немъ, согласно новой модѣ,
Стишки пресмѣлые писать...
[illegible]едставлять въ цензуру стали
[illegible]пографіи листы,—
И цензора все тамъ черкали,
Повсюду дѣлая—кресты...

———

Мнѣ тѣ порядки надоѣли,
Ихъ бойкотировать я сталъ,
И на другой уже недѣлѣ
Цензуру къ чорту всю послалъ.
Я номеръ выпустилъ безпечно,
Весь полонъ яда остроты,—
Но тутъ свезли меня, конечно,
Въ тюрьму на Выборгской, въ „кресты“.

———

Я отсидѣлъ срокъ заточенья,
И время выйти мнѣ пришло,—
Поѣхалъ я для развлеченья
Въ свое родимое село...
Но лавки тамъ, смотрю, закрыты,
Повсюду улицы пусты,
Двѣ перекладины набиты
Вездѣ на окнахъ, какъ кресты...

———

Смущенья полонъ и тревоги
Я на кладбище поспѣшилъ,
Но Боже правый, тутъ дороги
Не могъ найти я средь могилъ.
И тутъ причина озарила
Меня угрюмой пустоты!
Предъ мною высились уныло
Кругомъ одни кресты, кресты...

———

Въ волненьи сталъ я на колѣни,
И слезы хлынули рѣкой,
Какъ будто всѣхъ умершихъ тѣни
Возстали скорбно предо мной.
И за погибшихъ безъ возврата
Отъ всей житейской суеты
Я съ чувствомъ самымъ нѣжнымъ брата
Сталъ класть поклоны и кресты...

———

И полонъ горести сердечной
Я тайну жизни вдругъ постигъ:
Въ ней всѣ страданья скоротечны,
И пролетитъ она, какъ мигъ;
И въ мірѣ этомъ все такъ лживо,
Что если люди—не скоты,
Должны нести всѣ терпѣливо
Имъ Богомъ данные кресты...

О. Умова.

Происшествія.

Роковое паденіе. Во время одного изъ засѣданій Государственной Думы произошла страшная катастрофа, съ человѣческими жертвами. Во время преній и рѣчей ораторовъ съ самыхъ верхнихъ хоръ, почти изъ подъ самаго купола, стремительно свалились внизъ случайно находившіеся тамъ представители нашего министерства.

Послышался страшный звукъ,—звукъ паденія человѣческаго тѣла съ большой высоты. Зачѣмъ и какимъ образомъ добрались пострадавшіе на такую высоту, до сихъ поръ остается для всѣхъ большой неразрѣшенной загадкой.

Дума постановила въ каждомъ своемъ засѣданіи чтить вставаніемъ память несчастныхъ жертвъ катастрофы.

Новая секта. Недавно чинамъ полиціи удалось обнаружить цѣлое гнѣздо новыхъ сектантовъ, нашедшее себѣ пріютъ подъ гостепріимными сводами Александро-Невской Лавры. Сектанты эти совершенно отрицаютъ шестую заповѣдь, недопускающую въ нашей религіи мѣста для убійства. Основателемъ и ревностнымъ распространителемъ этого ученія оказался послушникъ Антоній, который немедленно былъ отданъ на судъ всего общества.

Подлогъ. Въ редакціи „Правительственнаго Вѣстника“ на дняхъ обнаружена масса самыхъ грубыхъ подлоговъ. Найдена цѣлая кипа телеграммъ съ выраженіемъ привѣтствій, протестовъ и т. п., писанныхъ одной и той же рукой, но подписанныхъ разными лицами изъ разныхъ городовъ. Какъ выяснилось, телеграммы много разъ уже пускались въ печать съ разными неблаговидными цѣлями, какъ напримѣръ въ защиту смертной казни, за сохраненіе арестовъ и т. д. Редакція опечатана, а редактору навсегда отказано въ правѣ издавать какое бы то ни было повременное изданіе.

П. Невѣровъ.

Въ скверѣ.

— Няня, какой вашъ мальчикъ глупый—у него совсѣмъ разума нѣтъ—просто идіотъ.

— А зачѣмъ ему, сударыня разумъ-то? чай это господское, столбовыхъ дворянъ дите —а не мужицкое какое нибудь, что безъ разума не проживетъ.

В. Я.

Между молотомъ и наковальней.

Редакторъ-Издатель Павелъ Умовъ (Невѣровъ). Спб., Коммерческая Типо-Литографія Виленчикъ, Литейный 58.